

И.П. ГЕРАСИМОВ – РУКОВОДИТЕЛЬ АСПИРАНТА

© 2015 г. В. О. Таргульян

Институт географии РАН,

119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Я хочу вспомнить И.П. Герасимова не как академика-директора, а как персонального руководителя аспиранта. Это ведь совсем другие отношения, и другая дистанция между людьми.

Я поступил в очную аспирантуру к Иннокентию Петровичу осенью 1962 г., ему было 57 лет, а мне 28. Он был в расцвете своей творческой и научно-административной деятельности и, как всегда, был страшно занят. Я пришел к нему после пяти лет потрясающих 4–5 месячных экспедиций в Восточном Саяне, Забайкалье, на севере Якутии, где я работал в отрядах Почвенного института АН СССР. Я ушел из этого института сразу же после того как его передали в ВАСХНИЛ, у меня эта аббревиатура всегда ассоциировалась с именем Лысенко, в такой системе я совершенно не хотел работать.

И.П. Герасимов принял меня в своем кабинете в середине рабочего дня, между двумя какими-то заседаниями – он был в других заботах – слушал в пол-уха и сказал: “Ну что ж, интересно, поступайте, сдавайте экзамены, подготовьте план диссертации и приходите ко мне”. Я сдал экзамены, честно подготовил план диссертации и пришел к нему с планом – очень собой довольный: арктические почвы на гранитах на Большом Ляховском острове, мерзлотная горная тайга на сиенитах, сланцах в Восточном Саяне. Похоже, я был одним из последних аспирантов по почвоведению. И он обрушил на меня всю мощь своих сибирских замыслов. Про мой первый план он сказал: “Ну что ж, интересно, новые регионы, экзотика, но ... узко, локально, некрупно. Вам, Витя, надо взяться за проблему северных мерзлотных почв в целом: в чем специфика, какие процессы, крупнее, крупнее”. Я был здорово обескуражен, у меня уже была пара публикаций, и я думал, что легко напишу диссертацию.

Я собрался и поехал в поля: в 1963 г. на Кольский полуостров, в 1964 г. на север Западной Сибири, в 1966 г. на Алдан и Становой хребет. Все эти годы я делал анализы, писал статьи, осваивал минералогию почв, слушал лекции на геологическом и географическом факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова и продол-

И.П. Герасимов, В.О. Таргульян, М.А. Глазовская (слева направо), 1974 г.

жал писать планы диссертации, которые Иннокентий Петрович хвалил, но раздумчиво прибавлял, что все-таки узковато, регионально, что надо идти к большим обещаниям. “Витя, не ловите блох, беритесь за крупные проблемы” – это его слова.

Аспирантура закончилась в 1965 г., я стал младшим научным сотрудником в Институте географии РАН и написал 15-й вариант плана диссертации, который Иннокентий Петрович принял (все 15 вариантов хранятся у меня). И все же сперва “региональность” во мне победила: я написал примерно 700 страниц текста, где последовательно и занудно описывал примерно одни и те же закономерности в разных регионах Сибири. К счастью, этот текст я не показал Иннокентию Петровичу, а дал почитать своему другу И.А. Соколову. Илья все честно прочел и летним днем пришел ко мне домой для разговора. Пришел, сел и говорит: “Что за занудство ты написал, анализируешь 8 регионов, чтобы в конце сказать, что все в них похоже. Попробуй сразу сказать главные закономерности, а потом подтверждай это материалами регионов”. Месяц я был в состоянии грогги, а потом все прояснилось, и я довольно быстро написал 400 страниц. И этот текст отдал читать И.П. Герасимову, А.А. Роде и М.А. Глазовской. Первым прочел текст А.А. Роде и написал хороший отзыв, в котором впервые прозвучала мысль, что это может быть не только кандидатская, но и докторская диссертация.

И вот настал день предзащиты, которую вел Иннокентий Петрович. Я сделал доклад, и началось обсуждение. Многие хвалили, многие резко возражали, иногда возникал мотив защиты докторской. Но мне запомнилось другое: М.А. Глазовская, одоббив в целом работу, сказала: “ все-таки Виктор Оганесович пишет для

идиотов, он столько раз повторяет один и тот же вывод, что от него потом невозможно избавиться”. На что Иннокентий Петрович с лукавой улыбкой возразил: “Нет, он хитрее, он не для идиотов пишет, он вывод повторяет не один раз, но каждый раз к этому выводу прибавляет что-то новое, и вывод становится интереснее и глубже”. Я был совершенно счастлив услышать это, ведь это означало, что Иннокентий Петрович, несмотря на занятость, не просто пробежал текст работы, но внимательно прочел и продумал основные выводы и даже сформулировал метод работы, который я не осознавал четко.

К мысли о защите докторской Иннокентий Петрович отнесся вначале прохладно: ему было приятно, что работа высоко оценивалась, но внутренней уверенности, что это докторская у него не было. Тем более что С.В. Зонн очень твердо сформулировал, что это две хорошие кандидатские работы, но никак не докторская. Я писал автореферат работы как кандидатской и особенно не страдал – что будет, то будет.

На защите в Институте географии РАН, которую вел Иннокентий Петрович, его интеллигентность и благородство раскрылись полностью. Когда встал вопрос о докторской степени, он очень горячо убеждал Ученый совет, что он не был руководителем аспиранта, а научным консультантом докторанта. Ученый совет ему поверил и проголосовал за докторскую.

На самом деле Иннокентий Петрович был идеальным руководителем: он не навязывал свою точку зрения на почвы Сибири (а она была существенно другой, чем моя), не предлагал писать статьи в соавторстве (о чем я до сих пор сожалею), не занимался мелким редактированием текста. Он мягко, но упорно “сталкивал” меня с локальных, частных проблем на крупные, как теперь говорят, глобальные, заставлял задумываться над фундаментальными проблемами географии почв и почвоведения мыслить смело и не бояться гипотез. Он сам так работал всю жизнь.

А вскоре после моей аттестации в 1972 г. он предложил мне пост заведующего отделом географии почв и геохимии ландшафтов (так раньше называлась наша сегодняшняя лаборатория географии и эволюции почв). До этого он сам был руководителем этого отдела. Это было необычайное и смелое решение, если учесть, что в отделе тогда работали С.В. Зонн, В.М. Фридланд, А.И. Ромашкевич. Так в 1972 г. я стал самым молодым и единственным беспартийным заведующим отделом в Институте географии РАН.